

Е. В. Вертилецкая, В. П. Мотревич
**РЕПАТРИАНТЫ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1945 — 1947 гг.**

Репатриация советских граждан — как попавших в плен военнотружеников, так и гражданского населения, оказавшегося на территории стран Европы и Азии, — была одной из важнейших задач советского руководства в конце Второй мировой войны, а также в первые годы после ее окончания. По мере освобождения временно оккупированной территории перед ГУКР «Смерш», Управлением НКВД-МВД СССР встал проблема возвращения на родину, учета и фильтрации советских граждан¹. Главной целью послевоенной репатриации было предотвращение образования за рубежом второй эмиграции, которая могла представлять угрозу сталинскому режиму, а также обеспечение народного хозяйства Советского Союза рабочей силой. Поэтому репатриантов направляли в отдаленные от государственной границы и промышленно развитые регионы страны, в которых ощущался острый дефицит трудовых ресурсов. Значительное количество репатриантов в составе рабочих батальонов было направлено в Свердловскую область.

Рабочие батальоны были размещены в 38 районах области. Наиболее крупные группы репатриантов дислоцировались в Алапаевском, Верхнепышминском, Верхнетавдинском (в основном репатриированные в 1945 г. из г. Харбина представители русской диаспоры в Китае), Каменском, Карпинском, Кушвинском, Нижнетагильском, Полевском, Ревдинском, Режевском, Североуральском, Сысертском, Туринском районах. Большое число репатриантов было размещено в г. Свердловске на заводах наркоматов тяжелого машиностроения, вооружения, черной и цветной металлургии, лесной промышленности. Пик репатриации советских граждан в СССР пришелся на первые послевоенные годы. Основная масса репатриантов прибыла в Свердловскую область в 1946 г. По состоянию на 1 января 1947 г. в области было учтено 34 тыс. человек репатриированных советских граждан, в том числе в Свердловске находилось 3,5 тыс. человек².

Фильтрацию и учет прибывающих на Средний Урал репатриантов осуществляли территориальные органы государственной безопасности.

В связи с большим наплывом репатриантов в феврале 1946 г. органам госбезопасности всех административных единиц страны было рекомендовано ускорить проведение их проверки. Одновременно с прибытием на Средний Урал постоянно шел процесс выезда репатриантов из области. Люди стремились вернуться к своим семьям, более того, использование их на предприятиях не всегда соответствовало квалификации рабочих и служащих. Тяжелыми были и жилищно-бытовые условия жизни этих людей, что влекло за собой дезертирство и отказ работать. Уже к марту в области осталось 27 864 репатриантов. О движении репатриантов за первое полугодие 1947 г. свидетельствуют данные таблицы.

Движение репатриантов в Свердловской области в 1947 г.

Движение репатриантов, чел.	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
Учено	27 864	27 189	26 904	26 771	26 026
Прибыло	240	535	216	281	129
Выбыло	657	485	551	414	874
Прожидали в Свердловске	2 770	2 770	2 664	2 822	2 778

Источник: Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 292. Л. 2-7; Д. 294, Л. 157, 157об.; Д. 295, Л. 43, 44; Д. 295. Л. 259, 260; Д. 293. Л. 111об.

В связи с наплывом репатриантов для регистрации и проверки людей во всех городах и районах Свердловской области были созданы фильтрационные комиссии (или фильтрационно-следственные комиссии — ФСК). Одновременно функционировала областная проверочная комиссия, состоящая из сотрудников НКВД и ОКР «Смерш» УралВО³. Из числа выделенного для проверки спецсостава по линии УНКВД, УНКГБ и ОКР «Смерш» УралВО были сформированы оперативные группы, возглавляемые опытными оперработниками. Кроме того, были приняты приказы и ведомственные нормативные акты о порядке фильтрации. Большое значение имел приказ НКВД-НКГБ СССР от 16.06.1945 г. «О порядке проверки и фильтрации по месту постоянного жительства возвращающихся на Родину репатрируемых советских граждан», директивы НКВД-НКГБ СССР от 26.10.1945 г., приказ МВД-МГБ СССР от 09.12.1946 «О работе органов МВД-МГБ по репатрированным советским гражданам» и др.⁴

Основной задачей проверки прибывающих граждан были, во-первых, выявление среди репатриантов сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов Германии, подготовленных для ведения разведывательной и диверсионно-подрывной деятельности против СССР; во-вторых, поиск агентов других иностранных государств, завербован-

ных из числа репатриантов, освобожденных частями союзных армий. Важной задачей проверки было выявление среди репатриантов тех, кто во время войны сотрудничал с немцами или состоял у них на службе. К ним относились и члены белоэмигрантских и националистических организаций («Русский комитет», КНОР, РОВС, БПР и др.).

Местные органы внутренних дел и госбезопасности занимались не только проверкой всех поступивших граждан, но и сбором компрометирующих данных на репатриантов и их родственников, проверкой по розыскным спискам вражеской агентуры, поиском фильтрационного дела и его пересылкой и др. В конце октября 1946 г. был организован четвертый (разыскной) отдел Управления МГБ по Свердловской области. Был осуществлен инструктаж оперработников, а также проведена работа по приведению в порядок всех полученных при реорганизации списков и ориентировок из центра, являющихся основными документами в розыскной работе. Для облегчения ежедневно проводящейся проверки в Свердловске и в районах области в дополнение к алфавитным спискам репатриантов была создана общесправочная картотека объявленных во всесоюзный розыск контингентов, насчитывающая 15 тыс. карточек.

Для выявления подлежащих аресту лиц активно использовался аппарат агентурного осведомления. В 1945 г. был произведен учет агентурно-осведомительной сети⁵. Начальникам городских отделов МВД было приказано в течение июня лично просмотреть всю действующую агентурно-осведомительную сеть и исключить из нее неработоспособных агентов, резидентов и осведомителей, а также тех, которые по роду своего служебного положения или иным причинам не могли быть в дальнейшем использованы на этой работе. Была произведена тщательная проверка всей агентуры, выявлены неработоспособные агенты, резиденты и осведомители, и осуществлено исключение их из осведомительной сети.

Порядок учета и фильтрации репатриированных советских граждан был следующим. Прежде всего, все репатрианты ставились на специальный учет. Кроме того, тех, кто вызывал подозрение у органов госбезопасности, брали на дополнительный учет со следующими формулировками: «бывший в плену у противника», «измена Родине», «германский шпионаж» и др.⁶ При этом данного человека брали под агентурное наблюдение и собирали на него компрометирующие материалы. Для этого из круга знакомых подозреваемого подбирались и вербовались осведомители. Через этого осведомителя выяснялась деятельность бывшего военнопленного во время его нахождения в плену, выяснялось, не проводит ли он в настоящее время враждебную деятельность и не группирует ли вокруг себя лиц, бывших в плену у немцев. В районы наибольшей концентрации контингента направлялись работники УНКГБ, широко практиковалось использование квалифицированной маршрутной агентуры.

Особое внимание уделялось тем, кто прибыл без предварительной регистрации в лагерях и сборно-пересыльных пунктах, в одиночном порядке, а также тем, кто не хотел становиться на учет органов НКВД после прибытия.

Продолжительность проверки репатриантов была различной. По ряду фильтрационных дел заключение выносилось уже в 1945–1946 гг. В тех же случаях, когда проводился розыск лица, не прибывшего к своему месту жительства, или обнаруживались неизвестные прежде сведения компрометирующего характера, срок ведения фильтрационного дела мог затянуться на несколько лет. Итоговым документом фильтрационной проверки являлось заключение местных органов внутренних дел и госбезопасности. В нем фиксировались полученные результаты: наличие либо отсутствие компрометирующих материалов, характер выезда за рубеж (насильственный, добровольный) и решение проверяющих органов. Всего в результате проведенной оперативно-чекистской работы в 1945 г. УНКГБ по Свердловской области было выявлено и разоблачено 153 человека из числа агентов иностранных разведок и бывших сотрудников полиции⁷.

В 1946 г. в результате проводимых оперативных мероприятий органами госбезопасности в области было арестовано 118 человек. Из числа арестованных было разоблачено 23 изменника Родины, 43 предателя и 52 немецких пособника. Большинство их них работали на предприятиях черной и цветной металлургии, в лесной и угольной промышленности⁸. Среди выявленных предателей был Н. П., работавший до ареста на Нижнетагильском коксохимическом комбинате. Проживая до войны в Донбассе, Н. П. уклонился от призыва в армию, остался на оккупированной территории и поступил на службу в полицию, где и служил до начала 1943 г. После освобождения Донбасса он был мобилизован в Красную армию, а после демобилизации приехал работать на Урал.

В Нижнем Тагиле был арестован В. А., работавший забойщиком на Руднике им. Третьего Интернационала. Проживая на территории Белоруссии, В. А. после ее оккупации добровольно уехал на работу в Германию. Работая в сельском хозяйстве, В. А. совершил побег, однако вскоре был задержан и доставлен для допросов в гестапо. Там он дал согласие на сотрудничество с германскими органами, которое было оформлено соответствующей подпиской. В задачу В. А. входило выявление среди вывезенных на работу в Германию мобилизованных рабочих и военнопленных коммунистов, комсомольцев и антифашистски настроенных лиц, а также информирование спецслужб о готовящихся побегах и актах саботажа. Среди выданных им людей — распространявший антифашистские письма военнопленный поляк, а также военнопленный француз, нелегально хранивший радиоприемник. Весной 1945 г. В. А. перешел в аме-

рианскую оккупационную зону, однако затем был репатрирован в СССР и отправлен на Урал⁹.

В полиции служил и Ф. А., работавший до ареста в Североуральском районе лесорубом Петропавловского леспромхоза. Будучи военнотружеником Красной армии, он, попав в окружение, вернулся домой и поступил на службу в полицию на станции Пролетарская Ростовской области. Будучи заместителем начальника районной полиции, принимал активное участие в арестах и массовых расстрелах советских граждан. По его указанию в конце 1942 г. было арестовано 100 человек граждан из числа советско-партийного актива и подозревавшихся в связях с партизанами, многие из которых впоследствии были расстреляны. Из работавших под его руководством полицейских Ф. А. создал оперативную конную группу, которая систематически разъезжала по району, арестовывала советских граждан и принимала участие в проводимых расстрелах. После отступления германской армии Ф. А. стал работать на одном из заводов в Германии, а после окончания войны в порядке репатриации прибыл на Северный Урал¹⁰.

Забойщиком на Северном руднике в г. Североуральске работал и арестованный органами госбезопасности Н. И., заочно приговоренный в ноябре 1941 г. военным трибуналом Карельского фронта к высшей мере наказания. Следствием было установлено, что, находясь на фронте, Н. И. организовал изменническую группу из 10 человек, которая в ночь с 6 на 7 ноября 1941 г. в полном боевом вооружении сняла посты на передовой линии фронта и перешла на сторону финнов¹¹.

В результате разработки оперативных материалов органами Верхнепышминского РО МГБ был арестован и осужден военным трибуналом УралВО на 18 лет лишения свободы И. Г., работавший до ареста электриком на Пышминском медьэлектролитном заводе. В ходе следствия было установлено, что, в сентябре 1941 г. попав в окружение, а затем в плен, И. Г. поступил на службу в германскую армию и четыре раза проникал в советский тыл. Там он собирал сведения о расположении передовых воинских частей Красной армии и даже привел «языка». Кроме того, по заданию германского командования И. Г. проводил вербовочную работу в лагерях для советских военнопленных, призывая их вступать в германскую армию, принимал от желающих заявления. Всего им было принято около 100 таких заявлений.

В Нижнем Тагиле был арестован И. М. — начальник пожарно-сторожевой охраны универсама. В августе 1941 г. И. М., работавший в то время в органах НКВД надзирателем тюрьмы, проходил подготовку в Орловском управлении НКВД в составе группы из 16 человек для переброски в тыл противника для организации партизанского движения. Однако в момент переброски он дезертировал и остался проживать на окку-

пированной территории. В дальнейшем он поступил на службу в полицию и стал заместителем начальника районной полиции. За период службы в полиции И. М. участвовал в облавах на советских партизан, производил массовые обыски, насильственно выгонял население на работы по строительству немецких оборонительных сооружений, участвовал в массовых арестах и расстрелах еврейского населения¹².

Военным трибуналом Уральского военного округа на 18 лет каторжных работ был осужден бывший полицейский Ф. В., работавший грузчиком на Сухоложском шашотном заводе. По десять лет каждый получили служившие в полиции Г. И., рабочий Серовского металлургического завода, и И. С., до ареста разнорабочий в тресте «Серовстальстрой». Г. И., попав в окружение, сдался в плен и поступил на службу в полицию в Брянской области. Будучи командиром полицейского взвода, он принимал участие в боях с партизанами. В течение нескольких месяцев работал следователем в городской управе, за заслуги награжден медалью. В мае 1947 г. органами МГБ в г. Нижнем Тагиле были арестованы И. Д. и В. Г. Следствием было установлено, что И. Д., рядовой 141-го стрелкового полка 85-й стрелковой дивизии, в ноябре 1942 г. перешел линию фронта, добровольно сдался в плен и сообщил немцам известные ему сведения о своей воинской части. В. Г., находясь на службе в одной из частей Красной армии, оказался в окружении в Смоленской области и впоследствии поступил на службу в полицию. После отступления германской армии в составе рабочего батальона он оказался в Германии, откуда вместе с репатриантами прибыл в СССР¹³.

В январе 1950 г. в Москву было направлено спецсообщение УМГБ по Свердловской области об аресте изменника Родины Н. В. Знакомство с материалами его дела показывает, что Н. В. до ареста работал в Свердловской области первым секретарем Таборинского райкома ВЛКСМ. Во время Великой Отечественной войны он проживал на временно оккупированной советской территории и летом 1942 г. поступил на службу в Килийскую волостную полицию, где и служил полицейским¹⁴. Летом 1943 г. после освобождения территории Орловской области Н. В. вместе с родителями эвакуировался на территорию Украины и обосновался в Винницкой области. После ее освобождения он скрыл факт своей службы в полиции и был призван Казатинским военкоматом в армию. Судя по материалам личного дела, Н. В. воевал в составе Первого Украинского фронта, был командиром взвода, за храбрость награжден двумя орденами и четырьмя медалями. С 1940 г. Н. В. состоял в рядах ВЛКСМ, однако в 1941 г. уничтожил свой комсомольский билет. В 1944 г. в качестве военнослужащего он снова вступил в комсомол.

В декабре 1945 г. Н. В. демобилизовался и по вербовке прибыл в Свердловскую область, где стал работать на кирпичном заводе в Ирбит-

ском районе. Вскоре его избрали секретарем комитета ВЛКСМ Ирбитского мотоциклетного завода, приняли кандидатом в члены партии. После двух лет работы руководителем заводского комсомола Н. В. направили на работу первым секретарем Таборинского райкома ВЛКСМ, где он и трудился до момента ареста. В связи с этим 30.12.1949 г. решением Свердловского обкома ВЛКСМ он был снят с должности первого секретаря и исключен из партии¹⁵.

В эти же дни органами УМГБ по Свердловской области был разоблачен И. А., служивший до этого в звании лейтенанта заместителем командира роты по политической части одного из полков внутренних войск МГБ СССР в г. Краснотурьинске. Следствием было установлено, что летом 1941 г. в г. Краснодоне И. А. был призван в Красную армию и направлен на фронт. Однако по пути на фронт он дезертировал и вернулся домой, где и скрывался до прихода немцев. Во время оккупации он поступил на службу в полицию и принимал участие во всех карательных акциях оккупационных властей против местного населения. После освобождения города И. А. эвакуировался на Запад и поступил на службу в германскую армию, а в 1944 г., оказавшись на освобожденной территории, скрыл свое прошлое и был повторно мобилизован в Красную армию. После войны он закончил военно-политическое училище и был направлен для прохождения службы во внутренние войска¹⁶.

Анализ сохранившихся архивных материалов свидетельствует о том, что биографии разоблаченных изменников Родины, предателей и немецких пособников во многом были похожи. Чаще всего это служба в Красной армии, окружение или добровольная сдача в плен, концлагерь и работа в полиции. Затем следовали повторная служба в Красной армии или отступление вместе с немецкой, работа в Германии и репатриация в СССР, благополучное прохождение проверок в фильтрационных лагерях, переезд на Урал и последующее разоблачение. Следует отметить и тот факт, что, несмотря на широко проводимую в 1990-х гг. в Российской Федерации реабилитацию жертв политических репрессий, под которую попали даже многие осужденные нацистские военные преступники, основная масса проходивших по этим делам лиц реабилитирована не была. Это свидетельствует о том, что данная категория лиц, совершавшая изменнические действия в годы Великой Отечественной войны, справедливо понесла заслуженное наказание.

После вторичной фильтрации административные органы заводов приступали к оформлению репатриантов в кадры промышленности. В ряде случаев среди репатриантов имели место протесты, которые были вызваны тем, что ни командование рабочего батальона, ни фильтрационная комиссия Свердловской области не разъясняли репатриантам порядок оформления их на работу. Кстати, и при возвращении на Родину ре-

патриантам, когда они находились еще за пределами СССР, не объясняли, что их направляют на работу в промышленность. Так, в конце сентября 1945 г. в г. Каменск-Уральский на завод № 705 Наркомчермета прибыл эшелон с репатрированными гражданами в количестве 980 человек. Из них при заводе был сформирован особый рабочий батальон. Сразу же по прибытии среди них стали нарастать недовольные настроения. Например, многие репатрианты вели разговоры следующего содержания: «Лучше сбежать и получить несколько лет тюрьмы, чем работать на этом заводе, не зная на какой срок и как оформляют». При оформлении репатриантов на работу все они в один голос заявляли: «Мы — воинская часть, проверка комиссии и НКВД закончилась, и наниматься на завод мы не хотим. Когда нас везли, говорили, что после проверки отпустят всех домой или желающим остаться выдадут всюду по 15 тыс. руб. на застройку, а сейчас ничего не дают. Получается хуже, чем в тюрьме, не знаешь, на какой срок тебя оформляют. А у нас есть семьи, и мы не были дома по 4–5 лет».

В составе прибывших репатриантов было много больных, имелись и люди пожилого возраста. Медицинское обслуживание было налажено не везде и не всегда хорошо. Первые послевоенные годы были одними из самых тяжелых для советского народа: голод, разруха, нехватка медикаментов. Кроме того, были случаи злоупотребления со стороны командования и дирекции предприятий вплоть до присвоения вещей, привезенных из Германии репатриантами, а также денег и продовольствия, заработанных ими на заводе. Тревожил репатриантов и бдительный надзор за ними со стороны органов уже после прохождения проверки и их прибытия на промышленный объект.

Деятельность органов ОКР «Смерш» НКВД-МВД СССР в отношении проверяемых бывших советских военнослужащих и гражданских лиц расценивается неоднозначно. С одной стороны, главной их задачей было обеспечение безопасности государства и исполнение правосудия. С другой — существовал план-разнарядка по набору людей для работы в промышленности. Существование этого плана во многом предопределило характер деятельности сотрудников НКВД-МГБ в отношении контингента репатриантов. Это относилось как к прибывшим в область в составе рабочих батальонов, так и к проходящим спецпроверку в Североуральском проверочно-фильтрационном лагере НКВД СССР № 0305 и Нижнетагильском спецлагере № 153 для военнопленных, в которые было направлено более 500 окруженцев. Предъявляемые им обвинения часто основывались лишь на косвенных уликах и не были доказаны в ходе следствия. Часть обвинений в шпионаже была основана на показаниях самих обвиняемых, а также на показаниях свидетелей. В результате ре-

альные доказательства принадлежности многих лиц к разведорганам иностранных государств часто отсутствовали.

В ходе фильтрации многие репатрианты были привлечены к уголовной ответственности и репрессированы по статьям 58-1а, 58-1б, 58-6 УК РСФСР (измена родине и шпионаж) незаконно. Нередко имели место различные незаконные ограничения в отношении бывших военнопленных при трудоустройстве, поступлении на учебу, изменении местожительства и т. п. Отношение к бывшим советским военнопленным со стороны местных властей, сотрудников органов безопасности и населения изначально было враждебным.

Во время фильтрации совершенно не учитывались обстоятельства, при которых немцы зачисляли попавших в плен советских бойцов в германскую армию и различные воинские формирования. Для вербовки советских военнопленных немцы использовали различные методы. Чаще всего это было психологическое давление, провокации, физическое воздействие и моральное унижение. Например, советским военнопленным предъявляли обвинение в членовредительстве и враждебном отношении к германскому командованию, а в порядке искупления вины предлагали перейти на советскую территорию для проведения подрывной деятельности. Ситуацию можно охарактеризовать, используя несколько отрывков воспоминаний и сведений, полученных из агентурных донесений и протоколов допросов бывших военнослужащих РККА, попавших в плен к противнику и давших согласие на сотрудничество с ним¹⁷.

Так, состоявший на службе у немцев бывший советский военнослужащий рассказывал об обстоятельствах, при которых он поступил на службу во вспомогательные войска немецкой армии: «29 сентября 1942 г. я в числе 75 человек был переведен из лагеря военнопленных “Д” в лагерь “Г”, куда в скором времени прибыла вторая группа советских военнопленных в таком же количестве. Здесь к нам прибыл представитель от немецкого командования и объявил, что формируется вспомогательная команда германских вооруженных сил, которая первое время будет обучаться умению обращаться с немецким оружием, строевой подготовке, после чего будет нести охранную и конвойную службу при лагерях военнопленных, а также находиться на охране продовольственных и вещевых складов. Объяснив задачи, представитель спросил, кто не желает находиться на службе во вспомогательной команде, может выйти из строя. Все лица, находившиеся в строю, в том числе и я, изъявили желание служить. Примерно 15 октября 1942 г. я был зачислен в учебную роту».

Тяжелые условия жизни были причиной согласия на сотрудничество с немцами. По воспоминаниям другого советского военнослужащего, 18 декабря 1943 г. их посадили в автомашины и увезли на окраину г. Витебска в лагерь военнопленных, откуда большими партиями водили

в близлежащий лес рубить дрова и на окраине леса рыть длинные траншеи. «Примерно через неделю, в первых числах января 1944 г., меня с большой группой военнопленных увезли в Минский лагерь, так называемый Шталаг № 256. Везли нас в невероятно ужасных условиях. Набили нас в вагоны, как сельдей в бочку. Есть и пить не давали всю дорогу. Среди нас были тяжело больные, которые, не выдержав духоты и скученности, здесь же умирали. В лагере Минска нас в течение двадцати дней держали в казармах. Не выпускали никуда, объявив нам, что мы находимся на карантине. На другой день после приезда к нам в казармы стали ходить какие-то люди, сначала в гражданской одежде, затем в военной. Они уговаривали нас идти во власовскую армию и в так называемые компании (военные немецкие части). Кроме них, приходили вербовщики и другого сорта. Они говорили, что те, кто к ним пойдет, будут служить не у власовцев, а у русских (дальнейшие подробности узнаете на месте). Далее случилось все следующим образом: в конце января 1944 г. зашел к нам в казарму худощавый человек в гражданском платье и объявил: “кто имеет высшее образование пусть подходит ко мне записываться”. Меня он также записал и ушел. Через три-четыре дня меня вызвали в соседнее помещение, где я встретил человека, накануне записавшего меня. Меня поразил его внешний вид. Весь с головы до ног одет в военную советскую форму. Со звездой на фуражке и на пояском ремне, только без погон. Я согласился ехать. Он тут же, в этой комнате снял с меня грязное тряпье и надел на меня все новое советское обмундирование. Здесь же, при мне, облачился в такую же форму еще один...».

Для убеждения советских военнослужащих вербовщики обещали хорошую жизнь в дальнейшем: «Всех нас выстроили, пришел немецкий офицер вместе с переводчиком и провел агитационную беседу. В ходе этой беседы он сказал следующее: «Война скоро кончится. Всех васпустим домой, получите землю. А сейчас вы должны помочь германской армии окончить войну. Вы будете служить и работать в немецкой армии». После такой беседы множество военнопленных дали свое согласие. В том числе и я на службу в немецкой армии. Всех нас выстроили, и нас за руку поприветствовал немецкий офицер. Через два-три дня дали нам немецкую форму и зачислили в 369-й рабочий батальон “Ива”, который выполнял окопные работы и строительство дорог». При этом значительная часть пленных шла на службу к немцам в надежде при первом удобном случае перебежать к своим.

В отношении реэмигрантов из Китая репрессивная деятельность органов безопасности выглядит еще менее обоснованной. Основной формулировкой обвинения было их участие в различных антисоветских белоэмигрантских обществах и организациях, комитетах и отрядах, созданных оккупационными японскими властями на территории Китая. Однако

люди, совершившие преступления на территории иностранного государства, не подлежали наказанию в СССР. Кроме того, методы вербовки и обстоятельства вступления в эти организации оправдывали действия данных граждан. Об этом свидетельствует выдержка из документов архивно-следственного дела репатрианта, осужденного впоследствии на 6 лет ИТЛ по ст. 58-10. Ч. 1 УК РСФСР: «Армия, или русские воинские отряды, были созданы по указу правительства, для прохождения военной подготовки эмигрантской молодежи и были обязательной повинностью для всех достигших 18-ти лет, за исключением учащихся высших учебных заведений, и то не всегда. Спрашивается, мог ли я изменить существующее тогда положение и, откровенно говоря, нужно ли мне это было и почему? Там родившись и воспитавшись. Так можно ли меня за это винить? Спрашивается, неужели я должен нести наказание за действия эмигрантских руководителей, которым была вверена моя судьба, и мог ли я, при полученном мною воспитании, почему-то не подчиниться существующей тогда законности?»¹⁸.

Другой осужденный репатриант показал, что в конце 1938 г. он переехал на постоянное местожительство в Циндао. «Имевшиеся у меня личные документы мною были сданы в Циндаоскую (китайскую) полицию для замены их на документы, дающие право проживать в городе Циндао. Там мне сказали, чтобы я пошел в Циндаоский антикоммунистический комитет русских эмигрантов, встал на учет, взял справку о том, что являюсь членом этого комитета и только тогда на основании этой справки я получу паспорт»¹⁹. Другим стандартным обвинением было подозрение репатриантов в связях с англо-американской, французской, итальянской и другими разведками в диверсионно-шпионских намерениях. Зачастую в вину ставилось знакомство с белоэмигрантскими кругами во время пребывания человека на территории зарубежных государств.

Преследованиям со стороны органов НКВД-МГБ подвергались также те советские военнослужащие, которые оказались в зоне англо-американской оккупации, участвовали в Сопротивлении, воевали в партизанских отрядах Бельгии, Италии, Франции, Швейцарии и других стран. Нет сомнений в том, что американские и британские спецслужбы использовали в своих целях освобожденных и подлежащих репатриации советских военнопленных. Из них набирали агентуру для ведения шпионско-разведывательной и диверсионной деятельности, пропагандистской и провокационной работы на территории советского государства. Однако на практике многочисленными были случаи, когда освобождение военнопленных союзниками, участие в движении Сопротивления или даже факт пребывания за границей, в зоне, не контролируемой советскими войсками, служил основанием для ареста и начала следствия. Ярким примером необоснованности претензий со стороны органов МГБ может

служить их деятельность в отношении группы репатриантов, проживающих в г. Североуральске, куда они были направлены после прохождения фильтрации. В северные районы Свердловской области, где находился фильтрационный лагерь № 0305, в августе 1947 г. была направлена оперативная группа во главе с заместителем начальника отдела Костинским. Ее целью была активизация агентурно-оперативной работы по делам бывших немецких ставленников, направленных в Севураллаг НКВД. В течение месяца пребывания оперативной группы среди репатриантов был выявлен ряд лиц, подозреваемых в связях с английской разведкой.

Был также проведен предварительный анализ имеющихся на этих лиц учетно-фильтрационных, агентурных и других оперативных материалов. В результате этого анализа органам госбезопасности стало известно о том, что в период войны на территории Италии существовал созданный при Ватикане так называемый Комитет покровительства русским военнопленным. Возглавляли его белоэмигранты. Этот комитет оказывал советским гражданам содействие в побеге из немецкого плена, предоставлял укрытие и материальную поддержку. Затем они склоняли их на свою сторону, а перед возвращением в СССР подвергали своеобразной обработке, давали им задания популяризировать среди русского народа папу Римского, рассказывать о том, как он заботится о русских. По данным материалам Североуральским ГО МГБ было заведено дело «Римляне», по которому проходило четверо репатриантов. На момент освобождения они находились в Риме и подозревались органами МГБ в принадлежности к агентуре Ватикана и возможном использовании их английской или американской разведками.

Судя по материалам дела, летом 1944 г. Комитетом покровительства русским военнопленным был организован прием у папы Римского в резиденции Ватикана для группы из 30 советских военнопленных. На приеме папа произнес речь, а затем каждому из присутствовавших подарил нателный крест и свою фотокарточку. Представители органов МГБ сделали вывод о том, что белоэмигранты использовали эту встречу папы Римского с советскими военнопленными для обработки их в духе католицизма, распространения среди русского народа фотографий папы Римского и восхваления его «забот» о русских²⁰.

Руководители Комитета покровительства русским военнопленным, да и сами советские военнопленные понимали, что после их возвращения на Родину все эти действия могут быть расценены как измена Родине и связь с иностранными разведорганами. Для предотвращения этого советские военнопленные получили свидетельства, подписанные руководителями комитета, следующего содержания: «Настоящим свидетельствуем, что нижепоименованные бойцы Красной Армии... (следовали их фамилии) по убеждению являются подлинными патриотами Советской Родины».

ны и всеми силами в тяжелых условиях плена вели вредительскую работу среди врагов — захватчиков Родины и подрывали их авторитет среди итальянского народа. Желая помочь населению, они раздавали запасы немецкой армии бедствующему населению Италии, всегда подчеркивая, что это делают советские бойцы, и тем самым поднимали авторитет Красной Армии, заботливо относящейся к мирным жителям. Они всегда горели любовью к Родине и к Великому вождю тов. Сталину и с нетерпением ждали возможности вернуться в ряды победоносной Красной Армии и с оружием в руках изгнать немецких захватчиков с советской земли. Сбежав от немцев, эти бойцы организовались в Риме и его окрестностях, вооружились и всегда были готовы нанести врагу удар. Поддерживая военную дисциплину, при фашистском терроре сотрудничали с нами при освобождении других бойцов Красной Армии от немецкого плена»²¹.

Органы госбезопасности выявили также, что пребывавшие в Риме белоэмигранты, руководители Комитета покровительства русским военнопленным, при Ватикане общались с представителями американского и английского военного командования. Данный комитет проводил свою деятельность при американцах и англичанах легально. Это, по мнению следствия, не исключало возможного использования последними агентуры Ватикана из числа советских военнопленных.

Примером незаконного осуждения бывшего советского военнопленного могут служить материалы следующего дела. Протокол допроса от 2 февраля 1992 г. из дела репатрианта, проживающего в г. Екатеринбург: «В марте 1943 г. попал в плен, содержался в немецком лагере для военнопленных под г. Веной (Австрия). Сбежал в феврале 1945 г., нашел отряд партизан и участвовал в боях против немецких войск в составе батальона Виктора Авизани до мая 1945 г. Потом батальон соединился с частями американской армии. Американцы направили его в лагерь для русских военнопленных в г. Верона (Италия). В этом лагере ему была дана американская форма, паек, денежное довольствие. Затем его в числе других репатриантов отправили на корабле в г. Одессу. Из Одессы он был направлен на проверку в Белоруссию, в местечко Белокоровичи. После проверки был отправлен в г. Томск, где работал токарем до 1946 г. По семейным обстоятельствам (болели мать и отец), попросил отпуск и уехал домой в г. Красноуфимск Свердловской области и больше в Томск не возвращался. Работал в Красноуфимске на Артинском костном заводе. В 1946 г. я был арестован и в марте того же года осужден военным трибуналом Уральского военного округа на 25 лет лишения свободы за измену Родине.

На проведенном 2 февраля 1992 г. допросе я внимательно, путем личного прочтения, ознакомился с предъявленными мне показаниями. Подпись в протоколе моя, но хочу заявить, что все написанное не соответст-

ует действительности. Эти показания были подписаны мной под давлением следствия, сам следователь, который вел дело, бил меня по голове, под солнечное сплетение, затем вызывал караульного, и тот начинал пинать под ребра. Кто вел мое уголовное дело, их установочные данные мне не известны. Я подписал все, что указывал мне следователь, лишь бы кончились мои мучения. Кроме того, допросы велись в ночное время, когда хотелось спать. Койки, точнее, нары в камере пристегивали в стене и уводили на допрос. Количество следователей, которые допрашивали меня, я сейчас не помню. В немецкую разведывательную школу я ни добровольно, ни под принуждением не записывался, никакие методы подрывной работы не преподавались, никаких дисциплин я не изучал, а только находился в немецких лагерях и стремился сбежать (об этом говорят факты моих побегов от немцев). Также в подразделение “РОА” я никогда зачислен не был, эти показания были подписаны путем побоев и психологического давления со стороны следствия. Показания свидетелей, избивавших меня как изменника Родины, мне никто не предъявлял, и свидетелей не было. В боевых действиях против частей Красной армии и советских партизан я никогда не участвовал, немцы оружия мне не давали. Вышеуказанные показания я не подтверждаю и отрицаю их как вымышленные и данные в связи с применением незаконных методов следствия»²².

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. органами УКГБ и УФСБ по Свердловской области был проведен пересмотр дел лиц, осужденных по ст. 58 УК РСФСР, в том числе репатриантов. Для этого производились повторные допросы свидетелей и проходящих по делу осужденных граждан. На основании полученных данных часть осужденных в процессе фильтрации репатриированных граждан на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. и в соответствии со статьями Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г была реабилитирована.

¹ Военная контрразведка (УОО) постановлением СНК СССР № 415-138 сс от 19 апреля 1943 г. была передана в Наркомат обороны и Наркомат военно-морского флота СССР. Были созданы Главное управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ НКО СССР и Управление контрразведки (УКР) СМЕРШ НК ВМФ. С 1943 по 1946 г., до переименования НКГБ СССР в Министерство государственной безопасности СССР (МГБ СССР) начальником ГУКР СМЕРШ НКО СССР был В.С. Абакумов. В октябре 1944 г. по решению правительства СССР было образовано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, которое возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков. В главные задачи этого ведомства входило осуществление полной репатриации советских граждан – военнопленных и гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны, а также отступивших вместе с германской армией. Прибывших в СССР в порядке репатриации гражданских лиц направляли на проверочно-фильтрационные пункты НКВД, а бывших военнопленных – в части Красной армии. Часть из них направлялась для дальнейшей проверки в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД.

- ² Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 292. Л. 2.
- ³ Там же. Д. 236. Л. 70–71.
- ⁴ В соответствии с приказом НКВД СССР, НКГБ СССР и Главного Управления контрразведки НКО СМЕРШ за № 0010(00781/00169) от 8 сентября 1945 г. «Об организации проверки репатрируемых бывших военнослужащих Красной армии и лиц, призывных возрастов, передаваемых для работы в промышленность».
- ⁵ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Фонд приказов и распорядительных документов. Оп. 1 Д. 180. Л. 12–13.
- ⁶ Там же. Д. 222. Л. 57, 58, 66–70, 96, 112.
- ⁷ Там же. Д. 258. Л. 4.
- ⁸ Там же. Д. 276. Л. 6; Д. 300. Л. 67.
- ⁹ Там же. Д. 259. Л. 209, 215.
- ¹⁰ Там же. Л. 102–103.
- ¹¹ Там же. Д. 239. Л. 255.
- ¹² Там же. Д. 300. Л. 70 об.
- ¹³ Там же. Л. 304–305.
- ¹⁴ Там же. Д. 464. Л. 4–6.
- ¹⁵ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 9. Д. 1896. Л. 1–10; Ф. 4446. Оп. 2. Д. 21. Л. 4.
- ¹⁶ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 164. Л. 1–3.
- ¹⁷ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33701. Л. 43–45; Д. 43446. Л. 18.
- ¹⁸ Там же. Д. 48067. Л. 267–269.
- ¹⁹ Там же. Д. 43446. Л. 18.
- ²⁰ Там же. Д. 299. Л. 121 – 124.
- ²¹ Там же.
- ²² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48067. Л. 267–269.